

Хлыстун В.

Труд

- 5 апр

97

12

— Вы бы послушали, как они чудесно поют!

— Глухие — и поют?!

— А как же! Поют, танцуют, ставят пьесы, пантомимой занимаются. На их концертах у зрителей на глазах слезы.

Наталья Шкробта «загорается», и я понимаю, что мне посчастливилось познакомиться с сердечным, добрым человеком, каких нечасто встретишь. Нынче каждый старается как-то спрятаться и не замечать тех, кто страдает рядом. На первом плане — деньги или бытовые неурядицы. От этого мы все что-то теряем.

Наталья Константиновна Шкробта — сурдопереводчик. А по линии профкома отвечает за работу с глухими на заводе. Это значит, что она занимается редчайшим и благороднейшим делом: устанавливает «мостики» между глухими людьми и обществом, отстаивает их права. Причем не на трибунах и митингах, а каждый день. Ее подопечные — 185 глухих, которые трудятся на Уралмаше.

всяких кружков пооткрывали! Мимического пения, русского танца, пантомимы, театральный — чего только не было. Финансировал клуб профком. Наши глухие самостоятельные артисты объездили всю страну с концертами. Имелся и спорт-клуб. Из-за глухоты у людей ослаблены органы дыхания, а все думают, что они — симулянты. Спорт помогал закаливаться. Волейбольная команда побеждала даже говорящих спортсменов завода.

Все заглохло. Но мы не сдались. Начали ходить, выпраши-

ГЛУХИЕ СРЕДИ

ГЛУХИХ

— Они приходят ко мне в свободное время — ночью, утром, в выходные дни. А куда еще идти? Кто с ними поговорит? Они не слышат врачей. Не слышат милиционеров. Никого не слышат. Но разве их из-за этого можно считать людьми «второго» сорта? Разве мы с вами сами всех слышим?..

Если бы я называл глухих «ущербными» или «неполноценными», то, подозреваю, разговора бы у нас с ней не получилось. Наталья Константиновна обиделась бы кровно.

— У них золотые руки и светлые головы. Юрий Зыков, к примеру, — второй Кулибин. Он до всего доходит сам. Работал на станке с программным управлением. И программист никак не мог оставить его программе. Юра ошупью, каким-то чутьем во всем разобрался и программу сделал, и не одну. Держит программы в шкафике — в баночках из-под майонеза. Был у них поломанный станок. Никто не мог наладить. Механик рукой махнул. И что? Юрий Зыков исправил. Теперь сам на нем работает.

Но я за него побаиваюсь. Неудобен для начальства. Раньше таких называли правдоискателями. Он любой промах руководства на свет тащит. Недавно взял и выступил на собрании: лампочки везде горят, мол, а начальство призывает к экономии электроэнергии. А надо сделать так, чтобы только рабочие места освещались, тогда и экономия будет. Правильно сказал, а начальство дуется. Вот от него хотят избавиться. Но я его в обиду не дам, честное слово.

Раньше на Уралмаше работало около 400 глухих. Завод гремел на всю страну не только своими мощными шагающими экскаваторами, бурильными установками и прочей техникой, но и был известен хорошо поставленной работой с глухонемыми, заботой о них. Для таких людей подбирали соответствующие места, создавали условия для нормального труда, берегли и понимали. Гигант индустрии имел свое человеческое лицо. Или социальное — как хотите.

— По медицинским предписаниям глухим некоторые виды ра-

бот запрещены. Это у нас теперь не соблюдается. Вредные участки — для них, уборка помещений, обрубка металла... У человека еще осталось немного слуха. Ему бы сберечь его, не работать там, где всегда стоит неимоверный грохот. А если уйдет или выгонят с той же обрубки — куда деваться? Дилемма: или здоровье губить, или с голоду помирать. Многие готовы остаться на любой зарплате. И еще считают, что им повезло. Другие вообще сидят без работы. Сокращения штатов глухие ждут как смертной казни. Любой мастер избавится прежде всего от них. А что потом? Я веду уволенных на биржу труда и получаю, как правило, отказ. Даже не припомню, кого через биржу пристроила. Потом обзваниваю разные предприятия, частные фирмы. Многие готовы взять классного специалиста хоть сегодня... Но как только узнают, что он глухой, бросают трубку...

Те, кого уволили с завода, тоже — ко мне. Недавно приходит бывший рабочий: помоги, мочи нет жить, устрой куда-нибудь. По виду — настоящий бомж, по-уральски бич. И это — уралмашевец! Накормила, разговорились. На что живешь? А я, говорю, ворую. Иногда булочку с лотка, иногда яблоко, пирожок. Видишь его у меня язык не поворачивается. Прошу: ты хоть в милицию не попадай, продержись немного, я что-нибудь придумаю.

В нашей стране насчитывается 170 тысяч людей, лишенных слуха. Они работоспособны. Если судить по Уралмашу, где все-таки сохранились остатки сердоболия, то получается дерево, причем уродливое. Из 400 глухих 215 остались без работы. И сколько бы мы ни говорили о совести, чести, божественном происхождении человека, социальные корни преступности часто кроются в безделье — хоть вынужденном, хоть созданном искусственно. В Москве, например, уже появились банды глухих и глухонемых. Уверен, многие стали такими и из-за того, что их где-то отвергли, лишили дела и заработка.

— На Уралмаше был клуб глухих. Первый в Союзе. Сколько там

вато. Спасиво, профком какие-то денежки выделил. У нас теперь появился маленький клубик в комнате, есть даже костюмерка. Как все обрадовались! Мы там поем, танцуем, пьесы ставим. Я уговорила одну женщину, тоже глухую, режиссером работать, заниматься театральными постановками. Она театральным институтом окончила.

— Простите за наивный вопрос, но зачем глухому танцы и песни?

— Как зачем? Для жизни. Они ему нужны больше, чем обычно человеку.

— А как они чувствуют музыку?

— По вибрации. Кладут руку на динамик, ловят ритм, потом начинают считать: раз, два, три, раз, два, три, четыре... Первая реакция — улыбка. Потом песня, танец. Коряво сначала, но затем все лучше, лучше... Очень много тренироваться надо, чтобы хорошо получилось. Танцы улучшают координацию, выправляют осанку. Есть и еще общественный момент. Не надо забывать, что это совершенно уникальная культура. И ее надо бережно хранить.

В январе они мне сделали сюрприз. В отвоеванной комнате на старый Новый год нарядили елку, украсили стены, еды несли, шампанское. Праздник. Откуда деньги-то взяли? Ведь получают крохи, да и те с задержкой. Смеются: сбросились! И очень серьезно так: «Мы не хотим быть никому обузой».

За время всего разговора Наталья Константиновна не сказала о двух вещах: сколько все-таки времени она тратит на работу с глухими и сколько денег за это получает? Я выяснил. Зарплата — 500 тысяч рублей. На нее она живет с дочкой-студенткой. Времени на работу сурдопереводчик тратит столько, сколько нужно, сколько требует дело. Режиссер театральные постановки в возрождающемся клубике для глухих получает 200 тысяч рублей в месяц...

Виктор ХЛЫСТУН,
спец.к. «Труда».